— Эта шкурка довольно мила. Долго же ты её искала, — раздался беззаботный голос юноши. Ему было лень слушать проклятия призрака: раз уж стала мертвецом, так хоть ругайся поумнее, а не как несмышленый ребенок. Очевидно, при жизни она была ещё более инфантильной. Глупое дитя, судя по костям, совсем ещё малявка. — Обзываешь нас крысами, грозишься сожрать… Ты из какой страны с такими вкусами? До чего же мерзко.

Бай Сюнь вздрогнул, услышав этот голос, и поспешно отступил. По спине пробежали мурашки — он только что едва не поддался наваждению.

Услышав голос, призрак женщины повернула голову в его сторону, оставаясь при этом неподвижной. Её прекрасное лицо вмиг пошло трещинами, а ослепительно белое погребальное платье начало медленно окрашиваться в красный.

От этого жуткого зрелища Танси Чэнь лишь брезгливо поморщился.

Она двинулась вперед, и волочащийся по земле подол оставил за собой длинный кровавый след. Эта кровь начала собираться в густую сеть, устремившуюся к Танси Чэню:

— Я убью тебя! Ты разрушил мой план! Я убью тебя!

— Вода Кань — проводник, Огонь Ли — воплощение!

Танси Чэнь сложил левой рукой печать, а правой, сложив пальцы мечом, начертал в воздухе талисман.

Темно-красная кровь на плитах пола мгновенно стала прозрачной, а затем превратилась в ледяные шипы, пронзившие грудь Костяной девы. Свадебный наряд рассыпался от мороза, обнажая на белых костях плотную вязь буддийских заклятий.

В этот же миг Танси Чэнь уловил в ветре смесь аромата сандала и трупного зловония. Он нахмурился: это были Благовония перерождения, используемые буддистами для упокоения душ. Неужели здесь замешаны люди из храма?

— А-а-а-а-а! — пронзительный вопль призрака прорезал шум дождя, и призрачная энергия хлынула во все стороны.

Отца Бай Сюня отбросило ударной волной, он выплюнул кровь и ещё сильнее ослаб. Бай Сюнь достал талисман, поджег его кончиками пальцев и окружил защитой себя и отца. В такой ситуации главное — не стать обузой.

Танси Чэнь решил, что дал ей достаточно времени. Он полоснул себя по пальцу:

— Небо и Земля ясны, кровь — мост!

Дождевые капли, пропитанные очищающей силой, с шипением падали на плиты алтаря, выжигая в камне глубокие рытвины. Костяная дева в муках закричала, поползла к одной из ям и замерла, с ненавистью глядя на Танси Чэня.

— Почему… Почему всё так… Они ведь возлагали на меня все надежды, почему же всё так вышло!

Почему весь мир так издевается над ними!

Танси Чэнь нахмурился:

— Ты можешь убивать тех, кто заслужил смерти, я не стану мешать, но…

Призрак пришла в ещё большую ярость. Не успел он договорить, как перед глазами Танси Чэня всё поплыло, и окружающая обстановка изменилась.

Первым делом он потянулся к своей серьге и, коснувшись её, облегченно выдохнул:

— А-Янь…

— Брат, я здесь. Брат, ты тоже стал прозрачным, — из серьги выскользнул Лу Янь и обвился вокруг его пальца.

— Я знаю, это призрачная память, иллюзия, — пояснил он Лу Яню, оглядываясь по сторонам. Вокруг была обычная современная деревня.

— Отдыхай, — Танси Чэнь, чье тело стало прозрачным, пропустил сквозь себя дым из деревенских печных труб. Он провел пальцами по серьге, запечатывая в ней чувства призрака.

Его А-Янь не должен видеть всю эту грязь.

Жаль только, что внутри иллюзии он мог влиять лишь на то, что было при нём. Он проплыл над иссохшими рисовыми полями и вошел в деревню. Ему нужно было понять, что именно они хотят ему показать.

Едва ступив на деревенскую улицу, он услышал плач младенца.

В хижине, крытой соломой, стоял тошнотворный запах плесени. Повитуха бросила окровавленную девочку в кучу соломы, кое-как завернула в тряпье и вынесла наружу:

— Опять дармоедка.

Бай Сюнь почувствовал, как его сознание заключили в это крошечное тельце. Едва открыв

глаза, залитые кровью, он получил от отца пощечину:

— Несчастье!

Из уголка рта крохи потекла кровь. Танси Чэнь инстинктивно вскинул руку, чтобы защитить её, но его ладонь прошла сквозь ребенка. Он тяжело вздохнул.

— Назовем Иньди, — раздался слабый голос матери с лежанки. — Следующим точно будет сын.

На печи булькала вода с сахаром, приготовленная для роженицы. Третья сестра, притаившись за плитой, сосала свои пальцы. Пятилетняя девочка была такой худой, что можно было пересчитать все ребра, а глаза её были прикованы к миске со сладкой водой.

Вдруг раздался всплеск — мать выплеснула остатки воды из-под варки в пустую миску на полу. Третья сестра, словно голодный щенок, бросилась к ней и, распростершись на земле, принялась слизывать жидкость.

Танси Чэнь опустился на колени рядом. Он видел, как из-под ногтей девочки сочится кровь — она поранилась об осколки разбитой миски, когда слишком торопливо ползла к еде. Грязная вода с песком попадала в дыхательные пути, девочка заходилась в кашле, лицо её распухло, но она не смела остановиться.

Бай Сюнь чувствовал, как скручивается от голода желудок, ощущал привкус прогорклого свиного жира — это была вода, в которой вчера варили вяленое мясо. Только сейчас он осознал, что чувствует боль вместе с Третьей сестрой. В детях не было ненависти — они ничего не понимали и считали такую жизнь нормой.

Из кучи соломы показался окровавленный комочек. Новорожденная девочка дрожала от холода, кожа её посинела, а неперерезанная пуповина, похожая на серую дождевого червя, волочилась между ножек. Танси Чэнь видел, как сухие стебли соломы царапают кожу младенца до крови. Сознание Бай Сюня, запертое в этом теле, дрожало от боли, и кроха наконец зашлась в крике.

— Чего орешь! — отец швырнул трубку, и в куче соломы тут же воцарилась тишина.

Остался лишь окровавленный комочек, который содрогался от рыданий, а к ранам прилипла грязная плацента. Бай Сюнь не понимал, как такой младенец может сдерживать эмоции, но в следующее мгновение осознал: она не перестала плакать, она потеряла сознание.

Третья сестра подползла и сунула сестренке в рот найденный кусок гнилого капустного листа.

Картинка сменилась. Девочке исполнилось два года. Бай Сюнь не мог управлять телом и лишь наблюдал, как «он сам» тянется к столу за лепешкой, а отец бьет его кочергой по рукам:

— Ты что, голодный дух во плоти? Это для брата! Дармоедка! Сплошное несчастье!

Бай Сюнь ощутил острую вспышку боли — он знал, что её маленькая ручка сломана.

Боль не утихала несколько дней, а потом видение вновь изменилось. Дождевые капли проходили сквозь прозрачное тело Танси Чэня. Он заблокировал чувства Лу Яня и молча наблюдал за происходящим.

Он видел, как шестилетнюю Чжаоди привязали к дереву, а старейшина рода стегал её ноги веткой персикового дерева:

— Будешь знать, как воровать яйца!

На самом деле яйцо было свежим, курица снесла его только что, оно разбилось в грязи, и его слизала собака.

— Я не… — оправдания девочки тонули в кровавой слюне. Бай Сюнь чувствовал невыносимую боль от того, как шатаются его коренные зубы.

Мужчины вокруг хохотали, а какой-то мальчишка в штанах с разрезом бросил в неё коровьей лепешкой:

— Дармоедка! Дармоедка!

Так продолжалось до десяти лет, пока в год великой засухи старый колодец у деревни не пересох. Бай Сюнь, сжавшись в сарае для дров, слышал, как родители шептались:

— Шесть девок в обмен на дождь… Семья Ван уже связала младшую…

Она вдруг обрела способность двигаться. Или, вернее, это маленькое тельце по имени Иньди само рванулось вперед, босыми ногами по осколкам посуды, прочь, в горы. Ветер леденил лицо, занозы впивались в ступни, но она не смела остановиться.

Однако факелы преследователей уже были близко. Дядя зацепил её косу серпом:

— Бежать вздумала? На выкуп за твоего брата нужны деньги, а мы должны полить посевы, чтобы был урожай!

Шесть девушек со связанными руками притащили к алтарю. Их нарядили в красное. Это были их свадебные платья — самая теплая одежда, которую они когда-либо носили в своей жизни.

Она увидела, что у соседки, сестры А-Сян, на лбу зияет дыра — она только что разбилась о курильницу. Третья сестра тоже была мертва. Она ушла первой — отец забил её до смерти, сказав, что так жертва будет искренней.

http://bllate.org/book/22283/2333106